

Школьная история

ПРОГУЛКИ ПО ЯРОСЛАВЛЮ

36-ю школу на улице Щапова знаете? Рядом – училище культуры, оно ближе к проспекту Ленина, и именно это здание было первоначально школой. История его, рассказанная директором школьного музея Виктором Сергеевичем Латышевым, оказалась настолько интересной, что просто не терпится поделиться ею с читателями, тем более что школе в этом году исполняется 70 лет.

«ЗНАЕМ. ПОВЕСЬТЕ ТРУБКУ»

Сохранилась фотография 1934 года. Только что законченное здание окружено еще строительным мусором. Более чем скромно качество снимка неизвестного автора, но кадр без преувеличения можно считать историческим. Это первая школа в Ярославле, построенная в советское время. До тех пор все они располагались в зданиях дореволюционной постройки.

Странно видеть стоящий одиноко дом, зажатый сейчас внутри квартала другими зданиями. Перед ним – картофельные поля, а сзади, хотя на фотографии это почти не различимо, к школе подступают дома Фибролитового поселка. Фибролит – прессованные плиты из древесной стружки, соломы, скрепленные цементом или чем-то еще. Последние такие дома в Ярославле сожгли в 1971 году.

Латышев употребил именно это слово – сожгли.

– Когда повалил дым, директриса побежала к телефону, набрала 01, но на другом конце провода ее прервали на полуслове: «Знаем. Повесьте трубку».

Огонь разгорался, а пожарные все не ехали. К телефону помчался завуч. «Знаем. Повесьте трубку». Звонили председатель профкома, секретарь парторганизации школы – ответ тот же. Так закончила свою жизнь Фибролитка, как ее называли в городе. Позже на том месте поднялись новые кварталы.

В этой школе учились дети из трех окрестных поселков – Фибролитового, Рубленого и Щитового и из двух деревень – Чебоксар и Мордвиновки. Сейчас на их месте улицы Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Чкалова, несколько домов, оставшихся от Рубленого поселка, еще доживают на улице Белинского.

Все эти поселки строились одновременно с резинокомбинатом (из которого, напомним, потом вырос целый куст предприятий: шинный и асбестовый заводы, кордная фабрика, «Полимермаш») и в одно время с жилыми домами в начале нынешнего проспекта Ленина, называвшегося тогда Городской вал.

Частью этой огромной по тем временам стройки стала и школа, первоначальное название которой звучало так: «Школа № 1 Ярославского резиноасбестового комбината».

Основное орудие на стройке – лопата, основной транспорт – грабарка, телега с открытыми бортами. Среди строителей резинокомбината, объявленного всесоюзной комсомольской стройкой, большинство – из деревень, в том числе 5 тысяч татар. Их поселили на Фибролитке. В школе стараниями первого директора Надежды Федоровны Струнниковой (на снимке) получилось не то два, не то три татарских первых класса, где предвзвительно учили самым азам, многие маленькие татарчата ни слова не понимали по-русски.

«ПРОСКОЧИЛИ» ДО ПРИКАЗА

Пройдет несколько лет, и в те же тридцатые годы в Ярославле одна за другой станут подниматься новые школы, сегодняш-

ние 37-я, 43-я, 44-я и прочие, но все они будут выглядеть уже немного иначе – в соответствии с появившимся сталинским приказом им не полагалось иметь залы (существующие сейчас пристроены позже).

А в той первой школе, о которой наш рассказ и которая успела «проскочить» до приказа, было целых три зала: спортивный, актовый и голубой. На большой перемене, существовавшей тогда после третьего урока, ребята получали кружку кипятка и тут же, у себя за партой, завтракали – как правило, принесенной из дома картофельной-стукалкой: перед тем как отправить в рот, ее очищали и макали («стукали») в соль. А потом ва-

тагой устремлялись в голубой зал, побренчать там на пианино, взять гармошку, струнные инструменты, шашки, шахматы – в общем, развлечься по собственному усмотрению.

Залы в ту пору – невиданная роскошь, помещений для занятий вездех, да и в этой школе не хватало, учились в две смены. Но что интересно, приказ Сталина вовсе не имел в виду экономию государственных средств ради расширения учебных площадей. Запрет на залы преследовал единственную цель – каждое школьное здание надлежало проектировать так, чтобы в случае необходимости его можно было быстро переоборудовать в госпиталь. Кроме того, школы было приказано строить вблизи от железной дороги. Так выбиралось место для нынешних 46, 50, 37, 54-й школ. Так что та, первая, и в этом смысле стала исключением.

ИСПАНСКИЙ ФУТБОЛ

В некоторых ярославских семьях помнят, что эту школу называли интернациональной. Может быть, не только из-за татарчат. В 1936 году, когда шла война в Испании, одна семья, кажется с шинного завода, взяла на воспитание девочку из детского дома имени Стасовой в Иванове, где жили дети интернационалистов из разных стран – тогда это стало целым событием. Мы разговоривали с В. С. Латышевым в те дни, когда развертывался громкий скандал вокруг этого ивановского дома – сейчас он называется Международной школой-интернатом, а скандал, напомним, разгорелся из-за того, что в его стенах

решили сделать Суворовское училище. Виктор Сергеевич, когда заговорил об этом, разволновался:

– Я ведь открывал этот интернат, когда сам еще под стол пешком ходил! Было это 1 мая 1933 года, я жил с родителями в Ростове и оказался в составе пионерской делегации от города Ростова, прибывшей в Иваново

как и все остальные, переоборудовали под госпиталь. Учеников и учителей вместе со школьным имуществом выселили, здание обнесли колючей проволокой, поставили часового.

Первыми в бывшие классы, а теперь палаты, внесли ленинградских блокадников, затем стали подвозить раненых. Ухаживали за ними вместе с медиками и учителя Мария Александровна Сосновская, Мария Афанасьевна Аникина. Не прекращая работу в школе, которая нашла временный приют около Леонтьевского кладбища, в нынешних казармах на Угличском шоссе. Рассказы о том времени сохранились в школьном музее со слов учительницы Златы Павловны Красильниковой и сторожа Анны Петровны Горбуновой. И та и другая работали с первого дня основания школы, а Анна Петровна – единственная, кого не выселили из ее комнаты, когда в школе разместился госпиталь. Она продолжала выполнять свои обязанности сторожа, помогала санитаркам: мужа у нее убили на фронте, она прожила в своем закутке при школе вплоть до 1962 года. В нем и умерла, отсюда гроб с ее телом учителя вынесли и похоронили.

ЧУЖИЕ ПИСЬМА

Кроме медиков здание школы во время войны стало еще прибежищем... цензоров. В какой-то момент госпиталь уплотнили и одно крыло отдали почтовой цензуре. Ведомство это призвано было стать защитой от разглашения военных тайн в частной переписке. Способ был простой: как тогда невесело цутили, в письмах оставляли только «здравствуй» и «прощай», остальное вычеркивали. Вслх никто не возмущался. Перлюстрация – лишь одна мера в ряду других подобных: еще в самом начале войны отобрали охранные ружья, радиоприемники, даже велосипеды.

В 1944 году, когда фашисты потеснили к самой границе, а где-то уже отбросили за нее, теловые части вслед за основными нашими частями тоже стал подтягиваться на Запад, ближе к фронту. Выехал из школы госпиталь. А почтовая цензура оставалась еще до октября – ноября 1945 года. Наконец осво бодила помещение и она, не столько старшеклассников, сколько было до войны, не набиралось, и в том крыле организовали начальную школу.

Примерно в это же время в школе появились комнаты-коммуналки для учителей, они жили в них до 1950 – 1960-х годов, пока не получили квартиры.

ЛАТЫШЕВ ПРИШЕЛ

В 1950 году молодым историком, только что окончившим пединститут, в школу пришел Виктор Латышев. Позади у него, 27-летнего, было две войны – финская и Великая Отечественная. С 1944 года школа была женская, Латышеву досталось классное руководство в 8-м классе, сорок пар девичьих глаз встретили его с восторженным интересом.

А он смотрел на своих учениц думал: как сделать так, чтобы история стала для них не просто скучным дат и скучным текстом учебника? Как сделать, чтобы пережитое странной коснулось их сердца, сомкнулось с тем, что пережили их семьи, они сами? Может быть, именно тогда зародилась мысль о школьном музее. Прошло еще двенадцать лет, прежде чем он был открыт, и именно с того дня, 29 ноября 1962 года, и до сих пор музей 36-й школы считается одной из достопримечательностей не только школы, но и города.

Татьяна ЕГОРОВА

ЧАСОВОЙ И КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА

Но вернемся к тридцатым годам, они уже кончались, на пороге – сороковые. Что из них самое памятное? Латышев отвечает не задумываясь:

– Все пели песню: «Мы войны не хотим, но себя защитим, оборону крепим мы недаром. И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом...» Я пел эту песню как школьник, потом как солдат...

Малой кровью, впрочем, не получилось. Когда началась война, школу на Фибролитке, несмотря на несоответствие проекта,